

вечные странники

16+

Алексей Бородин

Алексей Петрович Бородкин

Вечные странники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49628394

SelfPub; 2020

Аннотация

К морю приезжает оборотень – старый, страшный, неуклюжий, – в надежде потешить дряхлые косточки на тёплых лиманах. Однако он встречает ехидну столь же древнюю и могущественную... со всеми вытекающими последствиями. Несмотря на суровый материал, рассказ написан в лёгкой захватывающей манере, и доставит ценителям удовольствие, а любителям – несказанный кайф.

Часть 1. Алла

Вечер переходил в томительную стадию своего развития: дорожная пыль улеглась, солнце опустилось к горизонту и ласкало в море округлое своё брюшко, поставщики свежести (они же продавцы газированной воды) подсчитывали барыши и прикидывали перспективы на сезон, торговцы рыбой обнюхивали товар, проверяя его на свежесть. Парочки уединялись в тени платанов и становились лёгкой добычей стервецу Амуру.

И только я стояла на автобусной остановке, словно памятник одиночеству. Нет, не так: одинокий памятник, одинокого скульптора поставленный во имя одиночества.

– И всё же, хорошо! – произнесла вслух и глубоко вдохнула. – Этот воздух можно фасовать в баночки и продавать по шести пенсов за дюжину, чтобы каждый страждущий мог откупорить живительные консервы, впустить, так сказать... а ночевать катастрофически негде. Шьёрт меня побъери.

Проблема ночлега стояла остро как никогда. "К тому же в желудке ощущается какое-то несносное томление, – припоминался богослов Халява, имевший обыкновение упрятать на ночь полупудовую краюху хлеба и фунта четыре сала. – Нет, так не можно, господа, не подкрепив себя ничем, растянуться и лечь на пляже, всё одно, как собака!"

Обстановка требовала решительных действий; признаюсь, у меня припасён приём на подобные обстоятельства. В

минуты растерянности, когда туманно на душе и гложут сомнения, я отпускаю поводья и вверяю себя всецело Небесному Владыке – иду, куда глаза глядят, заговариваю с первым встречным, соглашаюсь на любое даже самое сомнительное предложение. Это... как перетасовать колоду, перевернуть песочные часы, встряхнуть мобильный телефон, дабы тот проснулся. Или разбить хрустальную вазу на тысячу осколков.

Я закрыла глаза, выбрала направление и... ступила в неизвестность. Не далее, как через пять минут, на моём пути нарисовался странник. В пиджачке из бежевой чинчунчи, в мятых вельветовых брюках и стоптанных домашних лоферах, натянутых на ноги без малейшего признака носков. Последний факт меня очаровал. Кроме того, в юноше замечалось некоторое волнение. Отличное от волнения моего, однако, роднившее нас. Бежевый оглянулся, но тут же вернул своё внимание строению, что высилось в глубине переулка.

– Заблудился? – осведомилась я.

– Да, – признался чинчунчёвый и удивлённо переспросил: – А как вы догадались?

– Очень просто. По походке, как в песне поётся.

– Походке? – парень опешил. – Но я ведь стоял на месте.

– Очень может быть, – согласилась я.

Приходилось признать, что язык метафор и гипербол не был сильной стороной моего "посланника случая", а пото-

му формулировки были упрощены до трамвайного уровня: – Признайся, Алик, что гнетёт тебя?

Парень возразил, что зовут его вовсе не Аликом, а Костей. Костя Михайлёв – так он сказал.

– Не отчаивайся, – вторично согласилась я. – Встречались мне персонажи с куда худшими наименованиями, и ничего, жили-не тужили. Однако продолжим. Зачем ты здесь, Алик... то есть Костя? Что ищешь ты в краю далёком, что кинул ты в краю родном? Давай лучше быстренько разочек, и пойдём домой.

– Что?

– Я говорю, оглянись вокруг. Закат, море, любовь струится, как шампанское, Венера выходит из воды и возвращается обратно... а тут лавочка пустует. Так чего время терять?

– Нет, я так не могу, – он покачал головой.

"Ангелы небесные! – хотелось всплеснуть руками. – Он так не может!"

Ужин откладывался на неопределённый срок, койка и шестнадцать квадратных аршин таяли в тумане неопределённости. Дабы взять себя в руки, я мысленно сосчитала до десяти. Приказала:

– Забудь! Давай начнём сначала. Что ты ищешь? Здесь и сейчас.

– Как вам объяснить... дело в том, что к маме приехал целитель...

"Замечательно! В природе существует мама, и она боль-

на".

– ...но он не знает нашего адреса...

"Трагедия".

– ...а я не знаю адреса его. Знаю только улицу...

"Мой адрес не дом и не улица".

– ...ведь он приехал не только к нам, это уникальный целитель. Баженов его фамилия.

– Ты ищешь Баженова, заглядывая в окна? – уточнила я.

– А что мне остаётся? – вопросом ответил Костя.

– Прежде всего, давай познакомимся. Меня зовут Алла Бори... Аркадьевна Берголец. Я тоже медик. У меня обширная частная практика в Кинелахте. Сейчас мы пойдём, и я осмотрю твою маму. Диплом и остальные верительные грамоты, я покажу тебе утром. Идёт?

– Что вы! – вскинулся Костя. – Это категорически неприемлемо! Мама против случайных знакомств и не позволит...

Чего именно не позволит мама, он не договорил – я взмахнула рукой "вопрос снят", и мысленно признала поражение: "Таки придётся спать на пляже".

Костина мама (раз уж речь зашла, проговорим о мадам несколько слов) отличалась волевым, деспотичным, но крайне бестолковым характером. Про таких говорят "без царя в голове". Склонности к душегубству усугублялись визгливым голосом женщины, а также избыточным весом. Примечено, что визг тучных фемин особенно неприятен мужчинам. Муж драпанул от семейного очага через шестнадцать месяцев и

три дня, считая от даты подписания брачного контракта – бедолага оставлял зарубки на дверном косяке своей комнаты. Вы спросите, откуда я знаю такие подробности? Костя сыграл в моей судьбе значительную роль, мне пришлось познакомиться с мамой... и с домиком, садиком... и с лекарем Баженовым, будь он неладен. Однако эти милые встречи ещё в перспективе, а теперь: жди меня, уютный пляж, я стану согреть телом твой песок, ты будешь шептать мне восточные сказки.

...Меж тем, клерки Верховной канцелярии рассудили иначе, и вязь тропы привела меня совсем в иное место. Я устремилась на пляж (вы помните), прихватив с попутного забора вязаный коврик (под утро делается зябко), подбадривала себя стихами поэтов серебряного века, силилась припомнить, что из съестного осталось в рюкзаке, как вдруг...

– Ангелы небесные! Вот это мило! По чьей гнусной воле здесь устаканился этот центр капиталистического разврата?

На моём пути раскинулся супермаркет. Да-да, господа, верьте слову. И не какой-нибудь задрипанный ларёк под гордой вывеской – самый настоящий супермаркет. С парковкой, огнями, надутыми рекламными призраками, забытыми тележками, запахом дешёвого кофе, пережаренного масла и всеми остальными атрибутами, кои я впитывала в эту секунду с величайшим удовольствием. "Есть! Есть на Белом свете милосердие! Мои молитвы были услышаны! Ночлег обеспе-

чен!" Почивать в палатке на вспененном туристическом матрасе, неподалёку от полок с тушеной свининой, близ стеллажей с газовыми плитками и котелками – это одно. Дрыхнуть под открытым небом – совсем другое. Две большие разницы.

Обаче требовалось поспешать, ибо до закрытия супермаркета оставалось минут сорок-пятьдесят.

Вы спросите, в чём здесь трюк, и я отвечу, что подвоха нет. Почти. Техника эксплуатации супермаркета предельно проста... ежели вы готовы подчиняться некоторым элементарным правилам. Один мой знакомый кадавр прожил в супермаркете семь лет. Обнаглел настолько, что развлекался, пугая охранников: являлся под камеры наблюдения в белом полупрозрачном покрывале фирмы "Герман Грасс", совершал двусмысленные жесты, издавал чавкающие звуки. На этом он и погорел: кто-то из охранников задумался и понял, что у приведения не может быть столь сильным зов плоти. Впрочем, я не осуждаю, за семь лет в супермаркете любой очумеет.

Первым шагом нужно проникнуть в техническую раздевалку и переодеться в местную униформу – слиться с окружающей действительностью, вот первостепенная задача.

Во вторую очередь следует обойти (сохраняя на лице озабоченность) территорию, осматривая закоулки на предмет опасности и обнюхивая ареал обитания. Параллельно следует примечать камеры и пикеты.

Подпункт 2.1 рекомендует устраивать лежбище в непосредственной близости от мясных и молочных точек – это избавляет от множества хлопот. Если (под давлением обстоятельств) вы устроили ночёвку в бутике спортивного инвентаря, есть шанс, что на ужин вам достанутся кошачьи консервы, а они – доложу откровенно – очень и очень на любителя.

Выполнив подготовительные пункты, необходимо залечь в укрытие... забыла сказать, что лучше всего для укрытия подходят палатки с москитными сетками, или, например, передвижные бани – они замечательны; не столь хороши декорированные спальные комнаты, но и они годятся. Строительный двор и санитарные кабинки – на последних позициях по уровню комфорта.

Спрятавшись, вам следует замереть до выключения света.

В приличных супермаркетах выключению иллюминации предшествует обход – охранник (мороз-воевода) обходит владенья свои. Однако о технических "неудобствах" я поведаю в другой раз, ибо охрана – наименьшая из проблем.

"Прелестно!" – всплеснула руками. В этот раз я позволила себе роскошь – уютную японскую юламейку, с двойным клапаном на входе, кожаным верхом и встроенным в "пол" подогревом. Последнее качество было излишним, однако всегда приятно осознавать породу вещи – хоть мужчины, хоть палатки.

Юламейка продавалась за бешеные деньги (дополнительный плюс) и располагалась между харчами и дамской комнатой – невообразимое преимущество.

Моя приморская жизнь началась.

Две недели пронеслись, как одна минута. Каждое утро я отправлялась на пляж, загорала, купалась, нежилась; в полдень обедала в шашлычной у Аббаса.

Аббас – душа моя! Никогда я не забуду этого человека. В своей жизни он едва ли прочёл даже одну книгу... впрочем, нет, лгу, он служил в армии, и, следовательно, устав караульной должен был заучить. Внешним видом шашлычник напоминал... как бы сказать... располагался на границе между Ницше и серийным убийцей. Мне эта двусмысленность претила, и я склонила маньяка на сторону философа. Купила (забесплатно) в одном из бутиков английскую шляпу "котелок", трость и пару шейных платков.

Когда я повязала платок и надела шляпу на моего ресторатора, за затем показала ему отражение в зеркале, Аббас потерял рассудок и влюбился в меня без задних лап. Признаюсь, я сама слегка ошалела – сходство с Ницше было полнейшим...

...меж тем, переехать и владеть домом (имуществом) Аббаса я наотрез отказалась. Сохранила независимость и тайну – ничто так не возбуждает мужчину, как женская тайна.

В качестве платы взимала пищу: "Ах! – вздыхала, опуская

губы в вино. – Ворон кормит в пустыне Илию. Как это мило".

Вечером прогуливалась вдоль набережной. Лицо прятала за тёмной вуалеткой, дабы отпугивать притких самцов. Наблюдала за людьми. Последние четырёста лет это моё любимое занятие.

Промежду прочего...

...среди ночных охранников (я говорю о супермаркете) одна "парочка" выделялась из ряда вон, настораживала меня своей алогичностью. Высокий хрупкий юноша с тонкими благородными чертами лица, именем Александр, лет двадцати осьми от роду, отставной кадет (так бы мне хотелось), и второй: коренастый, практичный, смуглый ликом. У второго тоже было имя... какое-то – я его не запомнила, привечала его по фамилии – Кречинский. Если память меня не подводит, я знавала одного из Кречинских... быть может, деда или прадеда этого стражника... однако фамильные древа сложны, и разбираться в хитросплетениях у меня отсутствует охота.

С Кречинским произошла сцена.

На третьей неделе *repos au bord de la mer* (отдыха у моря, фр.), я задремала под солнцем и сожгла себе плечи. После ужина осталась "дома", лежала в юламейке и жалобно скулила (выражаясь фигурально). Когда публика (сиречь покупатели) разошлись, мне захотелось вина – бутылочку красного лёгкого упоительно дорогого. "Отпраздную и – прочь.

Зажилась на этом постоялом дворе". Опыт подсказывал, что настала пора менять дислокацию.

И опять Провидение спутало мои планы. Притом решительно и нахально.

Я раздобыла вина (коллекционного, из Роны), набор хрустальных бокалов. Кусочек сыра и гроздь винограда оставались от вчерашнего ужина – вечеринка должна была состояться, и она состоялась. Вино ласкало нёбо, плечи почти не болели, я зажгла свечу и распахнула томик Пруста, намереваясь насладиться его балладами. Когда бутель опустела наполовину, в "дверях" юламейки возникло смуглое мужское лицо...

– Ты... вы как здесь? Здесь не дозволяется! – воскликнул охранник. Он попытался проговорить что-то ещё, что-то солидное, существенное, однако слова не шли. Я поняла, что он впервые встречается с покупательницей после "отбоя".

– Извините, ради бога! – шепнула я. – Мне стало дурно, и я прилегла... я сейчас уйду, сию же секунду. Простите...

Из-под пледа показалась голая девичья нога (моя нога), щёки Кречинского чуть порозовели.

– Я нехорошо себя чувствую, мсье, посчитайте, пожалуйста, пульс, – протянула ему руку. – Быть может, вызвать "Скорую"? Как вы полагаете? Померяйте мне температуру. – Вторую его руку я возложила себе на лоб, словно цветы на монумент.

Кречинский согнулся (вслед за рукой) и оказался в

нескольких дюймах от меня. Потянул носом:

– Как вы хорошо... в смысле... я, конечно, дико извиняюсь, гражданочка, но вы... в смысле от вас... – щеки мужчины теперь пылали, как угли костра. – Запах, я хочу сказать, от вас...

– Какой? – мурлыкнула я.

– Такой... – он снял руку со лба, провёл пальцами по бедру. – Аппетитный. Вы... ты словно помада сливочная... такая сладкая и шёлковая.

Голос его огрубел до грудного хрипа. В брюках – в том самом месте – сформировалось чудовищное напряжение. Я подалась вперёд и... едва всё не испортила. Он запустил руку в мои чресла, начал мять и ласкать, а ниже поясницы наткнулся на...

– Что это у тебя? Хвост? – он отскочил.

Пришлось кинуться вперед, обвить его шею руками.

– Какие глупости вы говорите! – Силою я взяла его руку и провела ниже спины. – Ничего нет! Что за фантазии?

Кречинский провёл раз, другой, третий, впился пальцами в ягодицы – я закусил губу, чтобы не вскрикнуть. Проверив досконально, он обмяк и расслабился. Я поняла, что повод для атаки найден, и нельзя терять даже мгновения:

– Какой вы, право, грубый! Надо же так на девушку наговаривать! Обидели меня! Сами, небось, устали на службе, измаялись, а на меня такое сказали! Хвост! Кто я, по-вашему? Зверь? Львица?

Его руки скользили по бёдрам, губы впивались в шею, я выгибалась и урчала от удовольствия.

– Уйди! – отпихивалась. – Уйди от меня, бешеный!

– Ни за что! Ты прямо как...

– Как кто?

– Как мармелад!

– Мур-мурмелад! – проворковала я и позволила мужчине войти.

...через час он отвалился от меня, словно насосавшийся крови упырь; упал на спину, отдышался и припомнил, что ему необходимо на службу немедленно – рубашка чернела от пота, – сказал, что напарник наверняка волнуется:

– Молодой, как бы не захиховал. На центральный пульт не позвонил.

– Иди, – равнодушно ответила я и налила в бокал вина. В такой позе, полубоком, я невероятно обольстительна.

Должно признать, Кречинский многое понял в один взгляд: он скользнул по бокалам, по серебряному подносу, миновал мои плечи, заметил французский надломленный багет (он присутствовал рядом).

Охранник плотоядно ухмыльнулся и спросил, что я стану делать.

– А как бы ты хотел? – я провела пальчиком по кромке бокала, тот мелодично откликнулся.

– Я-то? – Кречинский почесал в затылке. – Я приду завтра. Поменяю смену с ребятами.

– Вот как? – я нахмурилась, точно припоминая завтрашнюю повестку дня. – Не думаю, что это хорошая идея, а впрочем... приходи.

"Что бы с него получить? – задумалась. – Он глуп, это вне сомнений, однако не лишен возможностей... потребовать мягкого кресла? настольную лампу? флакон дживанши? ещё вина? больше Пруста?" – я улыбнулась таким детским запросам. Опыт учил, что всякое излишество ведёт к краху: не мы покупаем удовольствия, они покупают нас.

"Ах, боже мой, уже бокал вина и строчка любимого автора стали излишествами! Куда катится Мир?"

Следующим утром я была особенно холодна, капризна и тиранила Аббаса сверх всякого здравомыслия. Он даже вызвался повезти меня на острова, чтобы я развеялась. Я не хотела... раскричалась, кинула в шашлычника чашкой, но... переменчиво согласилась.

/вы только не подумайте, что я мелкая стерва и сучка. Жизнь меня учит подчиняться обстоятельствам, плыть по течению. Я подчиняюсь и плыву.

Поездка получилась скучной и даже вялой (глупо ждать веселья от Ницше). Мы петляли по выгоревшей тропинке, Аббас держал меня за руку, что-то говорил, жестикулировал. Я не слушала его болтовню, припоминала Салоники – когда мне хочется глубокой истории, я посещаю именно этот отставленный богом городок. Не так давно в нём решили

проложить метро и откопали город. Да-да, античный город с храмами, улицами, погостом и даже весёлым домом в два этажа... мне доводилось работать в этом заведении. Чахоточный работорговец Меркул продал меня хозяйке за шестнадцать полновесных тетрадрахм... дивные были денёчки.

Через пару дней в супермаркете мелькнуло знакомое лицо – "посланник случая" ступил на территорию Мамоны. Первым возникло предположение, что Костя Михайлёв зашел что-то купить, только я отмела эту догадку, как ошибочную, ибо появился он поздним вечером и уже держал в руках наполненный пакет.

– Плохо выглядишь, – так он сказал.

Костя заговорил с Кречинским (мой любовник дежурил той ночью опять); я наострила ушки.

– Ты часом не болен?

Кречинский пошутил (выглядел он, действительно, паршиво):

– Все там будем. Кто раньше, кто с опозданием.

Костя протянул пакет:

– Мама передала. Оладушки, ты любишь.

– Обожаю. – Кречинский сунулся в пакет лицом: – М-м-м! прелесть! Как мама?

– Мама в порядке, – проговорил Костя и нетерпеливо переступил. – Как ты? Я за тебя волнуюсь.

– Ничего.

"Ни-че-го..." – мысленно повторила я. Наши с Костей линии жизни явственно пересекались, но чего ради? Почему здесь? Зачем сейчас? Этого я не понимала, а потому нервничала. Слегка.

– Послушай, – Костя ухватил охранника за руку. – Пойдём к нам. А? У нас Баженов, я тебе рассказывал...

"Смотри ка, отыскался целитель!"

– ...Пойдём, пусть он тебя посмотрит. Он удивительный доктор! Просто невероятный!

Кречинский посмотрел на часы, оглянулся на юламейку, сказал, что это неудобно:

– Я ж на работе.

– Всего полчаса! – не унимался Костя. – Я прошу! Ради меня!

– Да что с тобой такое? – удивился Кречинский. – Квакнули ты, что ли сухаря?

"Судя по развязному предположению, они друзья". – Вслед за мыслью вспыхнула зависть: я попыталась припомнить своего последнего друга и не смогла.

Часть 2. Кречинский

Костя лгал. Чутьочку лукавил. Недоговаривал. Дело в том, что здоровье Кречинского его не волновало. Нет, волновало, конечно, но во вторую очередь. Главным образом "посланец случая" надеялся, что охранник поговорит с Баженовым по-

мужски. Строго.

"Униформа у него военная. Берцы. – Костя окинул приятеля взглядом. – Дубинка у пояса хороша. Внушительная". Если бы он только вообразил, для чего Кречинский использовал эту дубинку в последний раз...

...Ещё когда Гольдштейны (предыдущие "хозяева" целителя) легко и без малейшей мзды согласились расстаться с Баженовым, Костя насторожился: "Что-то не так, – подумал он. – У Гольдштейна снега в горах не выпросишь. С чего такая щедрость?"

Баженов оказался замечательным лекарем – это правда. Он осмотрел маму, сосчитал пульс, проверил дыхание и даже обнюхал – "каждая болезнь пахнет по-особому". Потом сварил на огне зелье из трав и решительно выкинул все имеющиеся в доме таблетки – мама вопила, но Баженов оставался непреклонен. Чтобы успокоить гражданку, он сунул ей за щёку шарик опия (назвав его леденцом), и приказал сосчитать от двадцати в обратном порядке. На цифре "девять" мама уснула, лицо её разгладилось и напоминало моську подростка, коему обещали купить велосипед.

Утром маме значительно полегчало. Она приготовила завтрак и поздоровалась с молоденькой соседкой – факт, не описанный в современной истории.

Надобно отметить, что Костя с мамой жили в отдельной комнате шестиквартирного дома, выстроенного литерой "С"

и примыкающего полукружьем к скале. Внутренний дворик, большей частью, был использован под хозяйственные нужды, и часто становился предметом споров между жильцами.

Баженов (повторюсь) оказался замечательным медиком, и будто бы в противовес такому его таланту, Верховный Учитель отяготил лекаря скверным характером. И это при том, что Баженов имел наружность сельского учителя... или церковного звонаря... или пасечника – седовласого, окладистого, вызывающего уважение.

На второй буквально день, Баженов оттрепал мальчишку из второй квартиры за уши (за какую-то мнимую провинность), поругался с его мамашей (злобно) и обещал "ноги выдернуть их папаше, ежели тот явится пред его ясны очи".

А на следующее уже утро Баженов был застигнут за вопиющим варварством: он прожигал самокруткой наволочки, что сушились в глубине двора. Делал это систематически, по всем четырём углам, насквозь. Хозяйка белья – заметив бандитизм – заголосила, но Баженов и её приструнил грубым словом.

Напряжение в доме стремительно нарастало.

– Так-то он мужик золотой, – описывал Костя, заглядывая Кречинскому в лицо, – любую болезнь может вылечить. Вот у меня веко дёргалось от умственного напряжения, так он по шее мне ударил, в какое-то особое место, и прошло.

– По шее тебе наkostenялял?

– Нет, легонько. – Костя показал, как происходило лече-

ние. – Тут важно знать место.

– А-а-а... – протянул Кречинский. – Был у нас в роте один прапорщик. Обожал личный состав лечить подобной методой.

– Ты уж, – просил Костя, – переговори с ним строго. Так, мол, и так... держите себя в руках, товарищ Баженов.

Кречинский спросил, с чего всё это начинается:

– Не может же так просто здоровый нормальный мужик на людей кидаться. Без видимых причин.

– Понимаешь...

Выяснилась специфическая привычка старика Баженова. Каждое утро, по холодку, он сбегал босиком к привозу и за дешёво из молочной фляги покупал у деревенских мужиков красное сухое вино. Для этой цели приносил бидончик и стакан. Стаканом отмерял нужную ему порцию, и отказывался покупать, если продавец мерил банкой или каким-то иным способом. "Серебряный стакан силу целебну имеет, – объяснял. – Понял-нет?"

Вернувшись домой (в комнату Константина и его мамы), Баженов переливал вино в чайник (из подобного армейского чайника товарищ Сухов отпаивал закопанного Саида), добавлял специи, травы, порошки. Нагревал чайник над конфоркой. Затем разрезал вдоль батон белого хлеба, услащал его мёдом и садился вино пить.

– Как в него столько уместается, я не понимаю, – Костя пожал плечами. – Бездонный он, что ли?

– Может и бездонный, – хмуро согласился Кречинский. – Пришли. Ты вот что... ты в разговор не встревай, помалкивай в тряпочку. Если он скандалить начнёт, отойди в сторону, и маман свою отведи. Драка у нас будет, – сказал Кречинский. Подумал и прибавил: – По всему судя.

Меж тем, "контакт" произошёл совсем не так, как планировал Кречинский. Он вошёл, поздоровался с мамой, протянул руку Баженову – механически отмечая, по сверкающим глазкам, что тот значительно "под мухой", – и приготовил фразу "Рад знакомству".

Баженов руки не пожал, однако глубоко потянул носом, точно почувствовал в комнате запах новый и неприятный. Затем лекарь поднял ладонь Кречинского, но не с тем, чтобы пожать, а ухватил кольцом, с внешней стороны вокруг запястья. На несколько секунд замер. "Пульс считает, – сообразил Кречинский. Волнительный холодок пробежал вдоль его позвоночника. – Странный он какой-то".

Результаты анализа, очевидно, не удовлетворили Баженова. Он сделался серьёзен, из маленьких бегающих глаз исчезло ликование, сменилось озабоченностью. Лекарь попросил снять рубашку и штаны:

– Нагишом давай, – проговорил Баженов, и прибавил слово, кое подействовало гипнотически: – Сударь.

Кречинский стянул штаны, покраснел, заметив на семейных трусах пятно, и задал вопрос, который обречены слышать все доктора, считая от самого первого, жившего в ка-

менном веке:

– Что со мной, доктор?

– Не могу понять, сударь! – Баженов развёл руками. В эту секунду он выглядел, действительно, милостивым испуганным пасечником. – У вас крайне странный пульс. Первичный ток крови свидетельствует о долголетию, а вторичный показывает на скорую гибель. Импульсы удачи и пики счастья как будто отчётливы, но моментально пропадают, лишь только я пытаюсь их сосчитать. Есть признаки благополучия и богатства, но и они противоречивы. А хуже всего ваш запах, сударь.

Костя (он стоял у дверей) энергично засопел, Кречинский на секунду оборотился:

– Что не так с моим запахом?

Вопрос остался без ответа. Баженов наполнил из чайника чашки (выдув из них пыль) и сказал, что Кречинскому следует побережиться.

– Нечистая сила вокруг вас, сударь. Шельма древняя и могущественная... подозреваю. Если вы с кем-то сошлись в последнее время, расторгните отношения немедленно! Вы на краю пропасти... насколько я могу судить. Быть может, вас ещё можно спасти, а возможно, уже нет. Берегитесь!

Под ложечкой Кречинского засосало и внутри заездило жерновами. Полчаса он просидел с глуповатой улыбкой на лице, затем вспомнил, что сегодня его вахта – "Я ж работаю!" – скомкано простился и побежал в супермаркет.

В супермаркете, отдышавшись и выпив чаю, Кречинский пришел к выводу, что был излишне доверчив: "Кто он такой? Профессор? Академик? Чего ради я доверился этому проходимцу? Я простыл или перетрудился... мало сплю в последнее время. Откуда серьёзная болезнь? Минутное недомогание, не более. Пройдёт само собой".

– Верно, – мурлыкнула Алла. – Мойры плетут нить твоей судьбы. Если она прочна, ты можешь спрягаться с дюжиной женщин. Если нить оборвалась, то не спасут даже лучшие лекари – дух вон в ту же секунду. Иди ко мне, милый, я хочу тебя.

Два дня спустя, Кречинского вырвало кровью – выскокил крупный, размерами с кулак, сгусток тёмный, скользкий, страшный. В груди загло огнём, сквозь кожу лица проступили кости черепа. Кречинский запаниковал, отправился, было, в супермаркет (случилось днём), но передумал и явился к Михайлёву, подчиняясь более животному инстинкту, нежели здравомыслию, на которое в эти минуты разум оказался неспособен – мысли путались, прыгали и метались, точно в горячке.

Костю Кречинский застал дома, чему несказанно обрадовался.

– Женщина... берегись женщину! – Он потрясал перед лицом приятеля кулаками, полагая, что жесты добавляют значимости словам, однако всё вместе: черты лица, горяч-

ность, сбивчивая речь – пугали.

– Остановись! – воскликнул Михайлёв. – Успокойся. Выпей воды.

– Ты не поверишь! – Кречинский всхлипнул, расплескал воду. – Я сам не верю до сих пор, клянусь! Знаю, что это чистая правда, а не верю! Боюсь верить! Ведь с самого начала знал, что кончится плохо! Чем иным такая связь может закончиться? Ведь знал, знал! С чего бы ей, красавице, запасть на меня? Я страшный, Костя, несимпатичный, плюгавый, старый. – По щекам Кречинского потекли слёзы. – А она – красавица, каких мало. Но нет! Возомнил о себе, олух! Как же! И во мне есть очарование, ведь я – мужчина! Мужчина... сукин сын...

Костя перепугался, попросил рассказать толком, без спешки, только Кречинский просьбы не услышал. Глаза его вдруг забегали, охранник съёжился, точно ожидая удара, несколько раз оглянулся. Спросил, почему дома нет Баженова.

– Он на пляже. – Костя повёл плечами. – Купается. Он каждый день купается.

– Купается! – выговорил Кречинский и расхохотался. Смех моментально перешел в кашель. Губы залило кровью. – Так и должно было случиться! Он предупреждал, я не послушал... купается.

Пошатываясь, Кречинский вышел из комнаты, несколько раз проговорил это страшное "купается". Дошел до середины

двора, вскинулся и упал. Из угла его рта, в дворовую пыль текла кровь, набежало "лебединое озеро".

Кречинский умер.

Часть 3. Костя

Ночной воздух струился сквозь приоткрытую балконную дверь. "Скворечник" о шести квартирах затих и замер, утомившись за день. На террасе лежали спелые персики и одуряюще пахли. За перегородкой, на "женской половине" комнаты бормотал телевизор, мама уснула в кресле. Костя тоже задремал над книгами (готовился держать экзамен); он пребывал в самом сладостном состоянии, кое только возможно на Белом свете – на границе яви и сна. Простим ему эту слабость, ибо три минувших дня были наполнены суетой и нервоотрёпкой сверх всякой меры. Ценою огромных усилий (в том числе и финансовых) удалось вернуть Баженова прежним "владельцам" Гольдштейнам. Лекарь (каким образом? какой нечеловеческой интуицией?) прознал о кознях за его спиной и устроил Костику сцену; лез драться и даже хотел отказать маме в лечении... одумался в самый последний момент, отдал порошки, простился... однако покинул дом в крайней степени раздражения.

Избавившись от скандального кудесника, дом моментально воспрял. Соседка принесла персики (те самые, что источали ароматы), мама приготовила сборную солянку, Костик

обнаружил в бидончике вино и залпом его прикончил.

...Ему снился сон странный, пленительный и невероятно притягательный. Дыхание моря казалось девичьим дыханием, движения занавески – движениями тела, запах персиков... "так и должна пахнуть чарующая дева", – вообразил Костя и почувствовал естественное мужское влечение. Влечение гармонично сформировалось в образ телесный – из-за занавески выскользнула девушка (полуобнаженная красивая). Косте захотелось спросить, кто она, однако уста оказались запечатаны поцелуем, а рубашка... рубашка куда-то исчезла, равно, как и брюки...

"Какой хороший сон", – улыбнулся Костя, чувствуя, как жар его восходит к сердцу.

Костя усвоил девушку, и она пришлась ему по вкусу в превосходной степени.

Утром мама осведомилась:

– Ты чего возился? Елозил всю ночь? Кошмары снились?

Студент покраснел и ответил, что не помнит.

– Да уж, – пространно заметила мама. – Натворил делов наш кудесник... наркодиспансер по нему плачет, отдельная койка и рубашка для алконавта.

Позавтракав и уединившись на своей "мужской половине", Костя обнаружил на полу лилию – помятую, но всё же живую. Точно такой цветок был в волосах Девушки из Сна – так Костя обозначил свою любовницу.

– Так это был сон? Или не сон?

– Чего ты там бормочешь? – выкрикнула из кухни мама. – Сбегай, купи рыбки. Худой ты у меня, как спирохета.

На следующий день, и через день, и через два Костя последовательно блудил с Ночной Дамой и находил её всё более и более привлекательной. Она являлась сразу после заката, действовала напористо и даже нагло, чем приводила студента в неопиcуемый восторг. Единственное о чём Костя беспокоился, так то, что в момент высшего наслаждения он вскрикнет и разбудит маму: "Будет скандал... и стыдно, чертовски". Однако дева и такую неприятность упреждала: услышав нарастающие хриплые ноты в дыхании партнёра, она прикусывала его язык и слегка подтягивала. Костя взлетал на вершину блаженства от такого бесстыдства.

За несколько дней он исхудал, осунулся, однако отказывался связать свою слабость с Ночной Девой, отыскивал причины естественные, бытовые.

Потом явился Кречинский: "Что ты делаешь? – выкрикнул покойный охранник. – Ты сошел с ума! Лишился рассудка! Также как и я в своё время!"

Кречинский материализовался под утро. Небо заволокло туманом, море клокотало в грозном волнении, начинался шторм. Костя сел на кровати, натянул на себя одеяло и долго тёр глаза, пытаясь уразуметь, кто перед ним находится, и что происходит. Кречинскому пришлось потрянуть студента

за плечи:

"Она – дьявол! – так он сказал. – Нечистая сила!"

Костя осторожно высвободился из пальцев покойника, механически отметил их ледяной холод.

– Ты... – проговорил студент, ощущая необходимость что-то сказать. – Ты как ты здесь?

"Как-как! – призрак вспылил. – Уем об косяк! Она меня погубила, и тебя погубит! Сообрази мозгом! Я уже подал на неё жалобу в Сварожий Круг! По её прихоти мне надлежит отправиться в Мир Нави, но даже не в этом дело. Негоже нечистой силе губить живых людей, пойми!"

Костя вытянул вперёд руку, она прошла сквозь белёсую плоть Кречинского.

– Так неживых и не погубишь, – проговорил студент. – Неживые они и так померли.

"Дурак!" – зло огрызнулся Кречинский.

В комнате заволновалось, образ покойника начал разделяться на фракции.

"Держись от неё подальше!" – выкрикнул Кречинский.

Костя долго пялился в пустую занавеску, потом подошел к двери и тщательно запер её на защёлку. Доски пола холодили ступни, только студент этого не замечал.

"Что со мной? – подумал он; тронул пальцами лоб, тот пылал огнём. – Я болен... это не вызывает сомнений, но что делать?"

Пришлось идти на поклон к Баженову. Так сложились об-

стоятельства, что визит пришёлся на послеобеденное время; Баженов только что выкушал чайник вина, и дремал, раскинувшись на лежаке в саду. Мухи вползали в его распахнутый рот и выползали обратно. Костя подумал, что если резко ширнуть Баженова в бок, он захлопнет пасть, и дюжина мух окажется...

– Не плети чепухи, болезный, – Баженов перевернулся со спины на бок, выплюнул запоздавшую муху и спросил: – За какой пользой явился? Впрочем, не говори, я знаю. Шельма обратила на тебя своё внимание. Хм... я так и предполагал.

– И что мне теперь делать? – Костя оглянулся на баночку варенья, что была принесена в качестве подарка, протянул её Баженову, тот отмахнулся.

– Разорвать связь, уехать, сбежать... впрочем, это вряд ли поможет.

Кудесник подал рукой знак замолчать и задумался. Думал долго, оставаясь абсолютно неподвижным; Костя даже решил, что старик задремал. Потом Баженов тряхнул кудрями и обещал написать амулет:

– Охранную грамоту. Носи её на шее, рядом с нательный крестом. Она отпугнёт нечистую силу.

Добыв чернильницу и лист бумаги, знахарь начал писать. Костя дивился его почерку и словам, что выползали из-под гусяного пера: "Встану я раб Божий, Бчи Жень, благословясь, умоюсь водою, росою, утруся платком тканым и пойду перекрестяся, из избы в двери, из ворот в ворота, из ворот

на восток..."

Заканчивалась бумага ещё более диковинными словами: "Замыкаю просьбу мою замками, бросаю ключи под бел горяч камень Алатырь; а как у замков смычи крепки, так мои слова метки".

В общих чертах получалось, что обращается Бчи Жень за помощью к "горячу камению Алатырю", который имеет праведную силу и может совладать с силой нечистой.

– Не тараци вежды, служивый, – проговорил Баженов, – всё одно не уразумеешь. Носи ладанку на шее, не сымай. Дева придёт, увидит и...

– И что? – нетерпеливо спросил Костя.

– Уйдёт восвосяси... я полагаю.

Верилось в подобный исход с трудом, и Костины опасения оправдались в первый же вечер. Дама явилась, увидела ладанку на шее Константина, спросила, откуда эта дребедень. Чтобы усилить действие охранной грамоты, Костя развернул бумагу и сунул её в лицо Ночной Деве. Та расхохоталась, разорвала грамоту в клочки и вступила со студентом в сношение силою.

– Моя слабость! – дева доминировала, скакала сверху наездницей. – Погубила Кречинского по собственной воле... мракобеса проклятого... в неуточный час он явился ко мне, вот и поплатился... а как помер, так праведником заделался, кобель похотливый... кляузничал на меня Марене Свароговне, наречённой сестре Перуна... перевирал факты...

Костя слушал откровения с замиранием сердца.

– На суде придётся ответ держать... во Сварожьем Круге... только я этого не боюсь – похоть его сгубила. Похоть и более ничего! Совесть моя чиста!

Балконная дверь распахнулась – распахнулась так резко, что звякнули стёкла. В комнату стремительным шагом ворвался Баженов. Он передвигался, осеняя грудь знаменами, удерживал в левой руке вязанку... палок?

Часть 4. Баженов

Я любил её. И люблю. И ничего не могу с этим поделать. Рассматриваю шрамы на теле, припоминаю стычки. Злюсь и люблю. С каждым годом всё жарче.

Клочки охранной грамоты, как я и предполагал, разлетелись по комнате полукругом. Я вбежал в сумеречную камору, не мешкая, начал втыкать в пол священные эспантоны. Минуту спустя дело было кончено – Костя и его Ночная Дева оказались заперты в магическом кольце. Женщина смотрела на меня во все глаза, однако не выказывала беспокойства, напротив – она будто бы экзаменовала меня, чуть заметно улыбалась. Тогда я выдвинул предложение:

– Отпусти мальчишку. За это я оставлю тебе право следующего хода.

Через мгновение Костя оказался у моих ног – выскользнул меж эспантонов, – я отпихнул студента в угол комнаты,

а она...

...удар пришелся прямо в грудь – удар чудовищной силы, – на мгновение я лишился чувств, а когда пришел в себя обнаружил над головой белый живой водопад – цвела яблоня. Невидимые часы пробили полночь, однако было светло, щебетали птицы, поблизости журчал ручей. Я склонил голову и увидел... предсказуемо увидел башню-руину – глупый памятник глупой войне... кто и зачем придумал ставить памятники убийствам?

– Ты опять? – выговорил.

Она очень любит это место (я знаю), и это время – 1904 год. Весна. Царское село. Юное непорочное солнце: Марена Свароговна недавно ушла в свои Ледяные Чертоги, богиня Веста балует Русь-матушку теплом. Мы проходили это задание (как компьютерную игру) тысячу раз, и я помню картинку до мельчайших подробностей: студёный родник, рядом с башней-руиной расплескалась дородная яблоня, в еловнике – недавно посаженом, глупом – волнуется оголтелый скворец. Во моей груди, рождается вопль сильнее криков скворца, но я молчу.

Сейчас она ласково скажет: "Привет!" Сию же секунду злость покинет меня, и я спрошу: "Почему сюда?" – спрошу наивно, словно сельский дурачок. Она подёрнет плечами и ответит: "Люблю... ты знаешь". И не уточнит, кого именно, стервозина, любит.

"Теперь поедут кавалергарды", – так она проговорит.

Я откликнусь словами Окуджавы: "Кавалергарда век недолог, и потому так сладок он". Она сморщит носик, начертит на моей ладони круг... а потом по аллее, действительно, проскачут всадники.

Я подниму голову и попытаюсь встать. Отмечу тонкие, едва заметные белёсые вихри, уходящие в небо – они связывают нас с действительностью. Это пуповины – весьма правильное определение. Мы здесь, но мы там. Тело и разум разъединились.

В воздухе что-то меняется, эти несправедливые перемены меня нервируют.

...прежде чем продолжить, я должен признать: в нашей паре источник энергии – она. Шельма, рождающая движение, стервоза, использующая мужчин, нечистая сила, потусторонняя гадость. Источник неприятностей, приятностей, радости, злости, добра и наслаждения – всё она.

Спрашиваю:

– Что не так, Алу?

Она молчит. Молчит приторно, лживо, искусственно. Я хватаюсь за голову двумя руками, сжимаю виски, перекатываюсь, упираюсь лбом в землю.

– Меня призвали на суд Сварожьего Круга, – говорит она.

– Знаю, – откликаюсь я.

– Хочу оставить тебе ЕЁ.

Она выходит из лягушачьей шкуры и остаётся в костюме Евы.

...люди неправильно трактуют это понятие, остаться в костюме Евы вовсе не означает "быть обнажённой". Однако мне не хватает красок, чтобы описать состояние того безграничного одиночества, в которое она попадает. Душа – словно свеча. Я бы не смог просуществовать так и секунды.

Киваю и что-то говорю – проговариваю слова, ибо молчание невыносимо.

Через секунду она возвращается.

Суд состоялся.

Вердикт вынесен.

– Я не могу отдать твою шкуру, – говорю я. Кажется, улыбаюсь. – Алу?

– Что-что? – переспрашивает она.

– Я не могу отдать твою лягушачью шкуру! – повторяю я; голос звучит чуть смелее. – Ты убила человека, и едва не погубила второго. Ты не сможешь более обращаться.

– Ах, да... – она протягивает ко мне руки, будто я проговорил милую шутку.

...Мы всё ещё в Царском селе. Кавалергарды гарцуют, Нишенька движется во главе парадного строя. Яблоня цветёт. Ручей журчит. Дрозд (или кто это, мать его, в ветвях?) поёт славу жизни.

– Я не могу отдать твою кожу. Я поклялся.

Она не слышит. Говорит, что Сварожий Круг состоялся, и Перун приказал ей вернуть Каплю Жизни. Кречинский пострадал за собственную похоть, но Костя стал невинной

жертвой.

– Ты перестанешь быть бессмертной? – уточняю я. В глазах моих черная зарница.

– Не знаю, – отвечает Алу почти беззаботно. – Перун сказал, что я стану смертной.

Через паузу она спрашивает:

– Тебе не кажется...

– Что? – перебиваю. Я слишком нетерпелив.

– ...что мне уже поздно умирать? Мы слишком долго жили.

Мою черепную коробку дробят мысли, я исторгаю их пространство, говорю, что я тоже зажился – в конце концов.

– Но ты...

– Что я?

– Ты останешься жить! – губами говорит она.

Шьёрт меня побъери! – хочется орать.

Я знаю, что она – сволочь.

Я убеждён, что она – сучка.

Я верую в свою правоту.

Верую в истину Небесного Владыки, но я не... не...

– Послушай, – говорю. – Всё не так уж плохо. У нас есть Капля жизни. Вот она! – снимаю с шеи жемчужину. – Бери, если хочешь. Она твоя.

– Нет, – она обвивает мою шею руками. – Она наша. Твоя и моя.

Часть 5. Послесловие рассказчика.

Костя долго страдал сухоткой. Средства Баженова помогли незначительно, однако через полгода молодой организм поборол недуг.

Сразу после суда Сварожьего Круга, Алу скрылась в неизвестном направлении. Баженов тосковал, однако не мог покинуть больного. Покончив с лечением, кудесник отправился на поиски.

Капля вечной жизни осталась у девушки.